

УДК 343.953

DOI: 10.17223/22253513/35/3

Р.Л. Ахмедшин, Н.В. Ахмедшина

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА СЕРИЙНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Разработка мер предупреждения преступности и отдельных преступлений – конечный результат и показатель эффективности всех исследований сложного феномена преступности. В структуре преступности авторами выделен анализ такой резонансной группы преступлений, как серийные преступления (убийства, изнасилования, похищения, взрывы, поджоги). В качестве результатов исследования выступили оптимальные виктимологические модели взаимодействия серийного преступника и его жертвы.

Ключевые слова: виктимология, профилактика, серийные преступления, «визионер», «миссионер», «гедонист», «тиран».

Разработка мер предупреждения преступности и отдельных преступлений – конечный результат и показатель эффективности всех исследований сложного феномена преступности, составной частью которой, может быть наиболее резонансной, выступают серийные преступления (убийства, изнасилования, похищения, взрывы, поджоги). Серийные преступники выделенных групп психологически очень близки друг к другу, в чем можно убедиться, ознакомившись с совокупностью личностных особенностей представителей перечисленных групп преступников [1. Р. 158; 2. Р. 221–222; 3. Р. 384], поэтому стала возможной сама идея группировки их в рамках понятия «серийные преступники». Близость рассматриваемых преступников исходит как из феномена зависимого криминального поведения, им свойственного, так и из иных психопатологических особенностей, протекающих из их психотической или психопатической природы.

«Серийные убийцы, хотя часто и описываются как “монстры”, с кровью, капающей с клыков, или обезумевшие психопаты, лепечущие сатанинские ритуалы, тем не менее редко являются такими существами» [4. Р. 9].

Серийным преступником является лицо, совершившее с целью обратить психотравмирующую ситуацию не менее трех преступлений, разделенных между собой периодами эмоционального покоя. Данное определение происходит из особенностей психопатической направленности личности серийного преступника [5. Р. 337–338; 6. Р. 231; 7. Р. 44] и природы его асоциальных фантазий [8. Р. 3; 9. Р. 217].

Серийность подразумевает наличие тождественного элемента генезиса. Поведение серийных убийц, как показали исследования [10. Р. 251–272], на макроуровне отображает единство природы мотива, а на микроуровне – вариацию элементов способа совершения преступления (что встречается нечасто) и элементов обстановки (что встречается фактически повсеместно).

Именно серийность в природе рассматриваемых преступников предопределяет эффективность действия в их отношении алгоритмов воздействия, в нашем случае типовых алгоритмов профилактики.

Под криминологической профилактикой понимается система государственных и негосударственных мер, направленных на устранение преступности и на декриминализацию личности преступников.

В литературе термины «предупреждение» и «профилактика» зачастую трактуются как идентичные, но вряд ли такое положение можно признать удовлетворительным, ведь за этими терминами, как верно замечает А.И. Долгова, стоит разное содержание [11. С. 380]. По мнению С.М. Иншакова, «сущностью предупреждения преступности является предупреждение отдельных преступлений, т.е. предупреждение не всей преступности, а какой-то ее части... предупредить можно только то, что еще не возникло» [12. С. 45–46].

Таким образом, термин «предупреждение» больше относится к воздействию на лиц, готовящих или уже совершивших преступления, на нейтрализацию причин и условий совершения конкретных преступлений, а «профилактика» – термин, обозначающий защиту личности и общества от преступных посягательств.

Виктимологическая профилактика в рассматриваемом контексте – это комплекс предотвращения серийных преступлений, ее непосредственным объектом выступают потенциальные жертвы серийных преступлений.

Мало разработать правовые основы оказания обязательной государственной социальной, медицинской, психологической, правовой и иной защиты и помощи жертвам преступлений и реализовать их механизм на федеральном и региональном уровнях. Необходимо определить адресный комплекс или хотя бы вектор воздействия на жертв с целью виктимологической профилактики преступлений.

Адресность исключает общий подход, поэтому виктимологическая профилактика должна быть ориентирована на отдельные группы жертв преступлений конкретного вида. Использование типологического подхода и есть реализация идеи адресности виктимологической профилактики.

Наиболее целесообразной типологией жертв мы полагаем их деление на случайные и закономерные жертвы с различными формами виктимности:

- виктимность в форме дезадаптации у закономерных пассивных жертв выступает при наличии у них нерациональных моделей поведения как результата особенностей воспитания либо переживаемого психотравмирующего события;

- виктимность в форме адаптации у закономерных пассивных жертв наблюдается в случае отсутствия у них каких бы то ни было сценариев реагирования на криминальную ситуацию;

- виктимность в форме легкомыслия наблюдается в тех случаях, когда лицо, переоценивая свои способности по урегулированию криминальной ситуации, тем не менее активно стимулирует ее возникновение и развитие,

надеясь в любой момент по своему желанию справиться с потенциальными негативными последствиями;

– виктимность в форме агрессии детерминирует криминальную ситуацию путем активного (агрессивно-наступательного) воздействия на преступника, осуществляемого без учета возможных последствий [13. С. 83–98].

Уходит в прошлое критика виктимологической составляющей жертвы преступления с точки зрения как исследовательской этичности [14. Р. 20], так и гиперполитизированности [15. С. 61].

Вопрос о виктимологическом воздействии на жертв серийных преступлений крайне неоднозначен, так как по целому ряду преступлений эмоциональный отклик вызывает не столько жертва серийного преступления, сколько проигрываемый в голове преступника сценарий преступления.

«Характерно, что 48% из опрошенных серийных насильников утверждали, что половое возбуждение возникло у них задолго до правонарушения. 32% пояснили, что возбуждение возникло при виде понравившейся жертвы, у 10% – в процессе подготовительного этапа, 5% почувствовали половое возбуждение после нанесения потерпевшей ударов, еще столько же отметили усиление возбуждения при сопротивлении жертвы.» [16. С. 93].

Так как личность жертвы в подавляющем большинстве серийных преступлений часто обезличена, на первый взгляд может показаться, что целесообразно говорить только о случайной жертве, исследование которой представляется достаточно проблематичным [13. С. 61]. Но это только на первый взгляд.

Действительно, серийное преступление направлено на обезличенное в сознании преступника лицо, но необходимо учитывать, что во времени преступного события взаимодействие между преступником и жертвой преступления может быть представлено совершенно несхожими стадиями, такими как:

1) непосредственный эпизод серии преступлений – нападение, поджог, похищение;

2) развитие сценария преступного эпизода, в котором захваченная жертва вступает во взаимодействие с преступником – или в виде длительной беседы, или в виде длящегося нанесения повреждений жертве в виде избиения или пыток.

На второй стадии уже можно говорить о закономерных жертвах эпизода серии преступлений, а значит, и о виктимологической профилактике.

Виктимность в форме адаптации, как и случайная виктимность, преодолевается информированием широкого круга лиц о наиболее безопасных линиях поведения в ситуации преступления.

Отметим, что «в силу некоторой консервативности государственных органов, из-за свойственной им инерции – вялости или нежелания меняться, развиваться или действовать, нежелание многих учреждений принять более эффективные алгоритмы достижения цели является иллюстрацией этой инерции» [17. Р. 23]. Следовательно, формирование навыков преодоления опасности потенциальной ситуации серийного преступления должно

инициативно исходить скорее от общественных, нежели от государственных организаций.

Виктимность в форме адаптации преодолевается преимущественно простым информированием об эффективных моделях поведения в условиях преступного события.

Виктимность в форме дезадаптации особенно характерна для лиц, до этого уже подвергавшихся агрессии, в том числе и сексуальной [18. Р. 95]. Учитывая же установку среди граждан России о бесполезности или избыточности психологической реабилитации, противодействие дезадаптационной виктимности представляет из себя нерешенную проблему.

Навыки вступления в коммуникативное взаимодействие с преступником, использования его страхов и фантазий, алгоритм поведения после захвата преступником традиционно выступают целью преодоления виктимности в форме дезадаптации, а знания этих алгоритмов – виктимности в форме адаптации.

Виктимность в форме легкомыслия также свойственна преступлениям серийной направленности и проистекает, как правило, из двух ситуаций:

- из склонности в состоянии алкогольного опьянения находиться в обществе незнакомых лиц;

- из факта занятий деятельностью, объективно предопределяющей взаимодействие с широким диапазоном лиц, в том числе и неадекватных, в обстановке уединенности (проституция, коммивояж).

Агрессивная виктимность проявляется в попытках прямой агрессии в адрес серийного преступника. Классическим примером агрессивной виктимности выступают жертвы преступной деятельности Э.К. Уорнос, которая в 1989–1990 г. занималась проституцией и, предварительно провоцируя, убивала мужчин выстрелами в упор. В целом же агрессивная виктимность для серийных преступлений не свойственна.

Поиск наиболее эффективной (безопасной) модели взаимодействия с серийным преступником базируется на понимании факта обезличенности жертвы в сознании преступника.

«Он использует ее лишь как определенный сексуальный символ с размытыми личностными качествами, его поведение подчиняется выработанному стереотипу, внутреннее внимание насильника сосредоточено на своих ощущениях. От жертвы он ждет поведения, соответствующего его фантазиям и переживаниям, поэтому, если выбранная им женщина почему-то ведет себя не так, ее поведение является для него непонятым, заставляя нервничать... Изучение поведения серийных насильников показывает, что в ряде случаев попытка жертвы оказать активное физическое сопротивление приводила к неадекватному росту агрессивности и жестокости, вплоть до причинения смерти потерпевшей» [16. С. 91].

Для разработки детальных практических рекомендаций возникла необходимость создания типологии серийных преступников.

Неудивительно, что основанием типологии серийных преступников послужил мотив совершаемого преступления, о значимости которого гово-

рилось еще на заре становления криминалистики [19. Р. 57]. Особенно ценность исследования мотивационной составляющей проявляется при исследовании насильственных действий сексуального характера [20. Р. 372].

Понимая под мотивацией «совокупность факторов, определяющих поведение» [21. С. 264.], исследователи все-таки тяготеют к концепции ведущего мотива, предопределяющего преступную деятельность серийного преступника.

Наиболее известной мотивационной типологией, несущей объяснительную функцию, признана мотивационная типология Б. Турви (B.E. Turvey). Недостатком мотивационной модели Б. Турви [22. Р. 173–180] является ограниченность использования в рамках криминалистической деятельности. При изучении мотива исследователи в основном тяготеют к типологии, разработанной в 1996 г., которая включает в себя четыре типа серийных преступников: «визионеры», «миссионеры», «гедонисты» и «тираны» [23, 24]. Данная типология является реализацией понимания того, что «основную мотивацию для сексуального посягательства целесообразно сгруппировать, исходя из трех главных категорий потребностей: агрессии, секса и власти» [25].

Многие исследователи очень критично относятся к мотивационной типологии [26. Р. 22; 27. Р. 126.], однако низкая поисковая ценность мотивационной типологии не делает ее неподходящей для криминологических исследований, в частности исследований виктимологической профилактики серийной преступности.

Именно особенности типа преступника позволяют выстроить модель взаимодействия с ним жертвы, которую мы и раскроем ниже. Рассматриваемая модель базируется на исследовании биографий и материалов уголовных дел 150 серийных преступников, совершивших свои преступления в период с 1985 по 2019 г. Столь значительный период временной выборки объясняется уникальностью и неизменностью особенностей мотивационной сферы серийных преступников.

Серийные преступники типа «визионеры». Мотивация рассматриваемого типа детерминирована каким-либо психическим расстройством, обуславливающим неразбериху и хаос в душевной деятельности человека. Такие люди живут в мире собственных иллюзий и галлюцинаций, они совершают преступления под влиянием «потусторонних сил» или «внутреннего голоса», которые приказывают им убивать.

Для серийных преступников типа «визионеры» жертва преступления максимально обезличена, а отношение к ней предельно индифферентно. Ясно, что факт наличия указующей воли для преступника предельно важен по сравнению с индивидуальной уникальностью жертвы.

Для серийных преступников этого типа не характерны ни деятельность, направленная на отбор жертв, ни взаимодействие с ними, поэтому можно говорить о доминирующей случайности выбора жертв. Естественно, что виктимологическая профилактика в данном случае может состоять только в информировании лиц, проживающих в районе, где совершаются эпизоды

серии, о целесообразности ограничения перемещения в темное время суток и в местах, где происходили события серии, а также в аналогичных местах. Также естественно, что в рассматриваемом случае затруднительно сформировать комплекс рекомендаций, минимизирующий для жертвы преступления его последствия.

Предупреждение преступлений, совершаемых серийными преступниками иных типов, характеризуется гораздо большим виктимологическим потенциалом.

Серийные преступники типа «миссионеры». Эти преступники совершают свои преступления под эгидой благородной миссии очищения общества от «грязи», куда они относят представителей определенных социальных групп, рода занятий, деятельности, национальности и пр.

Отметим, что «миссионеры» не склонны мстить своим обидчикам. При уменьшении угрозы подавленная агрессия направляется на менее опасный объект [28. С. 48].

Виктимологическая профилактика серийных преступлений, совершаемых серийным преступником типа «миссионер», в значительной степени содержательно предопределяется особенностями личности рассматриваемого преступника. Считается, что у каждого «миссионера» существует определенный круг жертв-врагов, которых он преследует. Это не совсем так. Действительно, серийный преступник типа «миссионер» полагает себя борцом против определенных социальных искажений. Но как дезорганизованный преступник «миссионер» характеризуется достаточным уровнем варьирования свойств жертв преступлений, которые могут присутствовать только в сознании преступника.

В случае, если личностные свойства жертвы серии преступлений являются привлекательными для преступника типа «миссионер», вероятность виктимизации увеличивается тем больше, чем активнее проявляются эти свойства во внешне наблюдаемой деятельности – поведении жертвы. С учетом сказанного становится понятным, что жертвы рассматриваемого типа серийных преступников на групповом уровне характеризуются виктимностью или в виде адаптации, или в виде легкомыслия. Наиболее выраженная виктимность жертв серийных преступников типа «миссионер» – виктимность в виде адаптации.

Виктимность жертвы в виде адаптации в случае с рассматриваемым типом преступника предопределяется следующими факторами:

- сокрытие правоохранительными органами факта существования серии преступлений, совершаемых преступником типа «миссионер»;
- сокрытие правоохранительными органами установленной модели типовой жертвы преступлений, что исключает возможность для лиц, подходящих под образ жертвы, скорректировать свое поведение;
- замкнутость группы, обладающей свойствами, на которые ориентируются преступник при выборе жертв (закрытое сообщество иммигрантов определенной нации, секты тоталитарного типа, асоциальное сообщество бездомных подростков и пр.);

– информационная выключенность потенциальных жертв из числа осведомленных лиц в силу неграмотности или отверженности последних (бродяги, лица без определенного места жительства, бездомные и лица с психиатрическими отклонениями).

Виктимность жертвы в виде легкомыслия в случае с серийным преступником типа «миссионер» предопределяется целым рядом факторов, к числу которых прежде всего относятся:

– свойственная занимающимся проституцией лицам склонность к недооценке «профессиональных» рисков;

– свойственная лицам, злоупотребляющим наркотическими веществами, неспособность критически воспринимать реальность, находясь в состоянии абстиненции;

– свойственная некоторым лицам с сексуальными абберациями повышенная демонстративность модели поведения, пропагандирующая их формы сексуальных отклонений.

Нейтрализация перечисленных факторов есть частный случай виктимологической профилактики жертв серийных преступников типа «миссионер».

Оптимальная тактика взаимодействия жертвы с «миссионером»:

– введение в заблуждение относительно своей безвредности посредством демонстрации элементов неадекватности, в силу того что для «миссионера» крайне значим образ сильной побежденной жертвы;

– действия по понижению эстетичности образа жертвы, например посредством симуляции приступа эпилепсии.

Неэффективная тактика взаимодействия жертвы с «миссионером»:

– попытки побега, так как преступник склонен тщательно контролировать жертву;

– активное, в том числе силовое, противодействие преступнику.

Серийные преступники типа «тираны». Основным стремлением этих людей является утверждение своего превосходства над беспомощной жертвой, доминирование.

В плане социальной активности очень неприметный тип – не хороший или плохой, воспитанный или нет, а тихий, незаметный. Тираны часто достигают больших социальных успехов, в отличие от серийных преступников иных типов.

У тиранов по-настоящему несчастное детство, за которое они осознанно или неосознанно мстят. Рассматриваемый тип преступника – наглядное подтверждение того, что «дети, которые пережили семейную агрессию, приобретают дисфункциональные межличностные отклонения» [29. Р. 51]. Для них характерен очень длительный период общения с жертвой, в котором они часто переносят на жертву образ матери, жены, подруги.

Образ жертвы – внешний вид, поведенческий аспект виктимности жертвы выражен слабо. Ярким отличием рассматриваемой группы выступают пытки в специально оборудованном месте.

Учитывая компенсационную психологическую природу преступной деятельности рассматриваемых преступников, выбор жертвы ими производится

из типового представления о своем обидчике. Жертва рассматриваемого преступника – это отражение биографического факта жизни преступника. Особенностью подбора жертв «тираном» является или выбор их из своего окружения, или достаточно неизменный социально-культурный образ. В отличие от иных типов организованных серийных преступников рассматриваемый тип тяготеет при выборе жертв к статусным параметрам (возраст, статус, доход).

Образ жертвы серийного преступника типа «тиран» на уровне общегрупповых характеристик характеризуется виктимностью или в виде адаптации, или в виде дезадаптации, или в виде легкомыслия. Наиболее выраженная виктимность жертв серийных преступников типа «тиран» – виктимность в виде дезадаптации.

Виктимность жертвы в виде дезадаптации в случае с серийным преступником типа «тиран» предопределяется целым рядом факторов, к числу которых прежде всего относятся:

- неожиданное силовое нападение заведомо более сильного преступника;
- принадлежность жертв к психологическим типам, характеризующимся пониженным волевым потенциалом;
- невысокий уровень физического потенциала жертвы по сравнению с физическим потенциалом преступника.

Виктимность жертвы в виде адаптации в случае с серийным преступником типа «тиран» предопределяется следующими факторами:

- сокрытие правоохранительными органами факта существования серии преступлений, совершаемых преступником типа «тиран»;
- сокрытие правоохранительными органами установленной модели типовой жертвы преступлений, что исключает возможность для лиц, подходящих под образ жертвы, скорректировать свое поведение;
- малолетний возраст потерпевших, предопределяющий отсутствие критичности во взаимодействии с преступником.

Виктимность жертвы в виде легкомыслия в случае с серийным преступником типа «тиран» предопределяется прежде всего завязыванием знакомства, предполагающим неоправданно быстрое сексуальное сближение с преступником.

Нейтрализация перечисленных факторов есть частный случай виктимологической профилактики жертв серийных преступников типа «тиран».

Оптимальная тактика взаимодействия жертвы с «тираном»:

- отыгрывание роли несчастного человека, на которого с самого детства «сыплются» неприятности, начиная от издевательств в семье и до преследования на работе;
- отыгрывание роли уже сломленного событием преступления человека, что лишит преступника основной мотивационной составляющей – сломить сопротивление жертвы.

Неэффективная тактика взаимодействия жертвы с «тираном»:

- попытки побега ввиду того, что тиран склонен тщательно контролировать жертву;
- активное, в том числе силовое, противодействия преступнику.

Серийные преступники типа «гедонисты» совершают преступления ради собственного удовольствия. Им нравится сам процесс убийства, они стремятся «просто» убивать, а связанные с этим сексуальные переживания расцениваются ими как сопутствующие или второстепенные. В. Верцени так говорил о своих преступлениях: «Я испытывал невыразимое удовольствие от удушения женщин. Это было настоящее сексуальное наслаждение» [30. С. 39].

Рассматриваемые преступники проявляют патологическое удовольствие, извращенное изящество в процессе общения с жертвой. Для них характерна наиболее ярко выраженная привязка к образу жертвы по сравнению с другими типами.

У гедонистов нечасто по-настоящему несчастное детство.

Серийный преступник типа «гедонист» – наиболее распространенная вариация серийных преступников, что в еще большей степени актуализирует виктимологическую профилактику преступлений, ими совершаемых. Существует достаточно распространенное мнение, что преступникам данного типа в наибольшей степени свойственна внешняя схожесть жертв их преступлений. Это не совсем так. В отличие от преступников типа «тиран», рассматриваемый тип руководствуется не статусными параметрами (возраст, статус, доход), а целым комплексом параметров, куда входят также и особенности внешности и поведения как в обычной жизни, так и в ситуации преступления.

Учитывая, что целью преступной деятельности рассматриваемого типа серийного преступника является получение удовольствия, как сексуально-го, так и носящего сексуальный подтекст, особенностью подбора жертв «гедонистом» является их соответствие тем фантазиям, которые построены преступником. Исходя из сказанного, жертва должна или соответствовать внешне придуманному преступником образу, или вести себя в соответствии с его ожиданиями-фантазиями.

Образ жертвы серийного преступника типа «гедонист» на уровне общегрупповых характеристик характеризуется виктимностью в виде дезадаптации или в виде легкомыслия. Наиболее выраженная виктимность жертв серийных преступников типа «гедонист» – легкомысленная виктимность. Ввиду того, что преступления серийных убийц рассматриваемого типа имеют большой общественный резонанс и активно обсуждаются населением, виктимность в виде анадaptации встречается нечасто.

Серийные преступники типа «гедонист» склонны вступать в доверительные отношения со своими жертвами, что предопределяет достаточно значительное по времени взаимодействие, в ходе которого преступник из незнакомого человека буквально в течение часа превращается в вызывающего доверие знакомого. Неудивительно, что виктимность жертвы в виде легкомыслия в случае с серийным преступником типа «гедонист» предопределяется прежде всего склонностью к завязыванию знакомства, пусть и тривиального и часто не носящего со стороны жертвы сексуального подтекста, но предполагающего достаточное доверие в адрес преступника.

Именно среди рассматриваемого типа серийных преступников наиболее часто встречаются лица с небольшим объемом негативных детских и юношеских воспоминаний психотравматичного характера. Именно отсутствие переживаний, вызывающих психологическую напряженность, часто способствует быстрому достижению психологического контакта преступника с будущими его жертвами.

Виктимность жертвы в виде дезадаптации в случае с серийным преступником типа «гедонист» предопределяется прежде всего фактом неожиданного силового нападения со стороны пусть и малознакомого, но вызвавшего доверие человека.

Нейтрализация перечисленных факторов есть частный случай виктимологической профилактики жертв серийных преступников типа «гедонист».

Оптимальная тактика взаимодействия жертвы с «гедонистом»:

- попытки побега ввиду того, что преступник, сосредоточенный на реализации сценария преступного эпизода, меньше времени уделяет жертве;

- активное создание шума с целью привлечения внимания третьих лиц.

Неэффективная тактика взаимодействия жертвы с «гедонистом»:

- активное, в том числе силовое, противодействие преступнику;
- действия по понижению эстетичности образа жертвы, например посредством симуляции приступа эпилепсии.

Говоря о жертвах серийных преступлений, необходимо отметить двойственную природу их виктимности. В целом жертвы серийных преступлений соответствуют случайным жертвам (первый уровень виктимности), однако в процессе развития сценария эпизода серии жертва склонна проявлять личностные характеристики, предопределяющие виктимность в виде анадaptации, дезадаптации, легкомыслия или агрессивности (второй уровень виктимности). Каждый тип серийного преступника тяготеет в основном к одному из перечисленных видов виктимности. Так, жертвы серийного преступника типа «визионер» характеризуются на групповом уровне случайной виктимностью, типа «миссионер» – анадaptивной виктимностью, типа «тиран» – дезадаптивной виктимностью, типа «гедонист» – легкомысленной виктимностью. Доведение до населения информации о смоделированном правоохранительными органами образе преступника является первоочередным шагом в системе виктимологической профилактики серийных преступлений. В свою очередь, недоведение до граждан подобной информации, по сути, является не просто непрофессионализмом, а преступлением (ст. 237 УК РФ «Соккрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей»).

Литература

1. Geller J.L. Firesetting: a burning issue // Serial murder and the psychology of violent crimes / ed. by R.N. Kocsis. Sydney : Humana press, 2008. P. 141–178.

2. Neumann C.E. Serial rape and serial rapists // Encyclopedia of Rape / ed. M.D. Smith. Westport : Greenwood Press, 2004. P. 221–222.
3. Lyman M.D. Criminal investigation: the art and the science. 6th ed. New York : Prentice Hall, 2011. 688 p.
4. Vronsky P. Serial killers: the method and madness of monsters. New York : Berkley books, 2004. 412 p.
5. Cleckley H. The mask of sanity. 5th ed. Augusta : Emily S. Cleckley, 1988. 478 с.
6. Wiebe R.P. Psychopathy criminality // Contemporary biosocial criminality / ed. by A. Walsh and K.M. Beaver. New York : Routledge, 2009. P. 225–243.
7. Schurman-Kauflin D.S. The new predator: women who kill: profiles of female serial killers. New York : Algora Publishing, 2000. 240 p.
8. Purcell C.E. The psychology of lust murder: paraphilia, sexual killing, and serial homicide. New York : Elsevier Inc, 2006. 173 p.
9. Schlesinger L.B. Sexual murder: catathymic and compulsive homicides. New York : CRC Press, 2004. 389 p.
10. Burgess A., Douglas J., Hartman C., McCormack A., Ressler R. Sexual Homicide: a Motivational Model // Journal of Interpersonal Violence. 1986. Vol. 1, № 3. P. 251–272.
11. Криминология : учебник для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2005. 912 с.
12. Иншаков С.М. Криминология : учебник. М. : Юриспруденция, 2000. 432 с.
13. Ахмедшина Н.В. Криминологическая виктимология. Томск : Изд-во ТУСУРа, 2011. 202 с.
14. Rape investigation handbook / ed. by J.O. Savino, B.E. Turvey. New York : Elsevier, 2005. 416 p.
15. Ракитин А. «Социализм не порождает преступности». Серийная преступность в СССР : историко-криминалистический анализ. М. ; Екатеринбург : Кабинетный учебный, 2016. 528 с.
16. Антонян Ю.М., Леонова О.В., Шостакович Б.В. Феномен зависимого преступника. М. : Аспект Пресс, 2007. 192 с.
17. Rossmo D.K. Organizational traps: groupthink, rumor, and ego // Criminal investigative failures / ed. by D.K. Rossmo. Boca Raton : CRC Press, 2009. P. 23–34.
18. Higgins M., Swain J. Disability and child sexual abuse: lessons from survivors' narratives for effective protection, prevention and treatment. London : Jessica Kingsley Publishers, 2010. 256 p.
19. Gross H. Criminal psychology: a manual for judges, practitioners, and students. Boston : Little, Brown and Company, 1911. 546 p.
20. Lyman M.D. Criminal investigation: the art and the science. 6th ed. New York : Prentice Hall, 2011. 688 p.
21. Годфруа Ж. Что такое психология. М. : Мир, 1992. Т. 1. 496 с.
22. Turvey B.E. Criminal profiling. New York : Academic Press, 1999. 462 p.
23. Holmes R.M., Holmes S. Profiling violent crimes: an investigative tool. 2nd ed. Thousand Oaks : Sage Publication, 1996. 208 p.
24. Keppel R., Walter R. Profiling killers: a revised classification model for understanding sexual murder // International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. 1999. № 43 (4). P. 417–437.
25. Prentky R.A., Knight R.A., Rosenberg R. Validation analyses on the MTC taxonomy for rapists: disconfirmation and reconceptualization // Human sexual aggression: Current perspectives / ed. R.A. Prentky, V. Quinsey. New York : The New York Academy of Sciences, 1988. Vol. 528. P. 21–40.
26. Godwin G.M. Hunting serial predators: a multivariate classification approach to profiling violent behavior. New York : CRC Press, 2000. 344 p.

27. Shipley S.L., Arrigo B.A. Serial killers and serial rapists: preliminary comparison of violence typologies // *Serial murder and the psychology of violent crimes* / ed. by R.N. Kocsis. Sydney : Humana press, 2008. P. 119–140.

28. Корма В.Д., Образцов В.А. Криминалистическое распознавание по делам о серийных убийствах : учеб.- практ. пособие. М. : Юрлитинформ, 2015. 184 с.

29. Finkelhor D. Childhood victimization: violence, crime, and abuse in the lives of young people. Oxford : Oxford University Press, 2008. 226 p.

30. Шехтер Х., Эверит Д. Энциклопедия серийных убийц. М. : КРОН-ПРЕСС, 1998. 352 с.

Akhmedshin Ramil L., Tomsk State University, *Akhmedshina Natalia V.*, Tomsk University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation)

VICTIMOLOGICAL PREVENTION OF SERIAL CRIMES

Keywords: victimology, prevention, serial crimes, "visionary", "missionary", "hedonist", "tyrant".

DOI: 10.17223/22253513/35/3

The development of crime prevention as well as the prevention of individual crimes is the result and an indicator of the effectiveness of all studies of such complex phenomenon as crime. In the structure of crime, the authors single out the analysis of such a resonant group of crimes as serial crimes (murders, rapes, abductions, explosions and arson). The results of the study were optimal victimological models of interaction between the serial offender and his victim. The model under consideration is based on the study of the biographies and materials of criminal cases of 150 serial offenders.

Since the identity of the victim is often anonymized in the vast majority of serial crimes, *prima facie* it may seem appropriate to speak only of a random victim. But this is only *prima facie*.

Indeed, a serial crime is aimed at an impersonal person in the mind of the criminal, but it must be taken into account that in the time of a criminal event the interaction between the perpetrator, and the victim of the crime can be represented by dissimilar stages. For example, the immediate initial episode of the crime series is an attack, arson, kidnapping. Then comes the development when the captured victim interacts with the perpetrator either in a lengthy conversation or in the form of hurting the victim in the form of beating or torture. In the second stage, we can already speak about the expectable victims of the episode of the series of crimes, and therefore about victimological prevention. Exposure on "visionaries" has a low victimological potential.

The best tactic of interacting with the "missionary" is to mislead about one's harmlessness by showing the elements of inadequacy and actions to lower the aesthetics of the victim's image. The optimal tactic of interaction with the "tyrant" is playing the role of the unfortunate person, who since childhood "falls" into troubles; playing the role of a man already broken by the event of the crime. The optimal tactic of interaction with the "hedonist" is an attempt to escape, actively creating noise to attract others.

In general, victims of serial crimes correspond to random victims, but in the scenario's course of the episode, the victim tends to show the characteristics of victimization in the form of undaptation, disadaptation, levity or aggressiveness. What is new is the conclusion that each type of serial offender gravitates to one of these types of victimhood. Thus, victims of a serial criminal of the type of a "visionary" are characterized at the group level by random victimization, of a "missionary" type – by unaadaptive victimization, of a "tyrant" type – by disadaptive victimization and of the type "hedonist" – by frivolous victimization.

References

1. Geller, J.L. (2008) Firesetting: a burning issue. In: Kocsis, R.N. (ed.) *Serial Murder and the Psychology of Violent Crimes*. Sydney: Humana press. pp. 141–178.

2. Neumann, C.E. (2004) Serial rape and serial rapists. In: Smith, M.D. (ed.) *Encyclopedia of Rape*. Westport: Greenwood Press. pp. 221–222.
3. Lyman, M.D. (2011) *Criminal investigation: the art and the science*. 6th ed. New York: Prentice Hall.
4. Vronsky, P. (2004) *Serial killers: the method and madness of monsters*. New York: Berkley books.
5. Cleckley, H. (1988) *The Mask of Sanity*. 5th ed. Augusta: Emily S. Cleckley.
6. Wiebe, R.P. (2009) Psychopathy criminality. In: Walsh, A. & Beaver, K.M. (eds) *Contemporary Biosocial Criminality*. New York: Routledge. pp. 225–243.
7. Schurman-Kauflin, D.S. (2000) *The new predator: women who kill: profiles of female serial killers*. New York: Algora Publishing.
8. Purcell, C.E. (2006) *The psychology of lust murder: paraphilia, sexual killing, and serial homicide*. New York: Elsevier Inc.
9. Schlesinger, L.B. (2004) *Sexual murder: catathymic and compulsive homicides*. New York: CRC Press.
10. Burgess, A., Douglas, J., Hartman, C., McCormack, A. & Ressler, R. (1986) Sexual Homicide: a Motivational Model. *Journal of Interpersonal Violence*. 1(3). pp. 251–272. DOI: 10.1177/088626086001003001
11. Dolgova, A.I. (2005) *Kriminologiya* [Criminology]. 3rd ed. Moscow: Norma.
12. Inshakov, S.M. (2000) *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow: Yurisprudentsiya.
13. Akhmedshina, N.V. (2011) *Kriminologicheskaya viktimologiya* [Criminological victimology]. Tomsk: Tomsk State University of Computer Systems and Radioelectronics.
14. Savino, J.O. & Turvey, B.E. (eds) (2005) *Rape Investigation Handbook*. New York: Elsevier.
15. Rakitin, A. (2016) “*Sotsializm ne porozhdaet prestupnosti*”. *Seriynaya prestupnost' v SSSR: istoriko-kriminalisticheskiy analiz* [“Socialism does not generate crime.” Serial crime in the USSR: historical and forensic analysis]. Moscow; Ekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy.
16. Antonyan, Yu.M., Leonova, O.V. & Shostakovich, B.V. (2007) *Fenomen zavisimogo prestupnika* [The Phenomenon of a Dependent Criminal]. Moscow: Aspekt Press.
17. Rossmo, D.K. (2009) Organizational traps: groupthink, rumor, and ego. In: Rossmo, D.K. (ed.) *Criminal Investigative Failures*. Boca Raton: CRC Press. pp. 23–34.
18. Higgins, M. & Swain, J. (2010) *Disability and child sexual abuse: lessons from survivors' narratives for effective protection, prevention and treatment*. London: Jessica Kingsley Publishers.
19. Gross, H. (1911) *Criminal psychology: a manual for judges, practitioners, and students*. Boston: Little, Brown and Company.
20. Lyman, M.D. (2011) *Criminal investigation: the art and the science*. 6th ed. New York: Prentice Hall.
21. Godefroid, J. (1992) *Chto takoe psikhologiya* [What is psychology]. Translated from French by N.N. Alipov, A.V. Pegelau, T.Ya. Estrina. Vol. 1. Moscow: Mir.
22. Turvey, B.E. (1999) *Criminal Profiling*. New York: Academic Press.
23. Holmes, R.M. & Holmes, S. (1996) *Profiling violent crimes: an investigative tool*. 2nd ed. Thousand Oaks: Sage Publication.
24. Keppel, R. & Walter, R. (1999) Profiling killers: a revised classification model for understanding sexual murder. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. 43(4). pp. 417–437. DOI: 10.1177/0306624X99434002
25. Prentky, R.A., Knight, R.A. & Rosenberg, R. (1988) Validation analyses on the MTC taxonomy for rapists: disconfirmation and reconceptualization. In: Prentky, R.A. & Quinsey, V. (eds) *Human Sexual Aggression: Current Perspectives*. Vol. 528. New York: The New York Academy of Sciences. pp. 21–40.
26. Godwin, G.M. (2000) *Hunting serial predators: a multivariate classification approach to profiling violent behavior*. New York: CRC Press.

27. Shipley, S.L. & Arrigo, B.A. (2008) Serial killers and serial rapists: preliminary comparison of violence typologies. In: Kocsis, R.N. (ed.) *Serial Murder and the Psychology of Violent Crimes*. Sydney: Humana press. pp. 119–140.

28. Korma, V.D. & Obraztsov, V.A. (2015) *Kriminalisticheskoe raspoznavanie po delam o seriynykh ubiystvakh* [Forensic Recognition in Serial Murder Cases]. Moscow: Yurlitin-form.

29. Finkelhor, D. (2008) *Childhood victimization: violence, crime, and abuse in the lives of young people*. Oxford: Oxford University Press.

30. Schechter, H. & Everitt, D. (1998) *Entsiklopediya seriynykh ubiyts* [The Encyclopedia of Serial Killers]. Translated from English. Moscow: KRON-PRESS.